

«Учитель, воспитай ученика!..»

Мне с юности запомнилась строка,
С которой не могу не согласиться:
«Учитель, воспитай ученика,
Чтоб было у кого потом учиться!»

*Борис Левин. Учитель,
воспитай ученика!..*

Это стихи малоизвестного автора, обыгрывающего старинное изречение об учителе и учениках (*magister educandi discipulus*). Кто скажет, что они не о Надежде Степановне Тендитник, она в своё время отметилась своей крылатой фразой: «Я их учила, а теперь учусь у них». И это не о ком-нибудь, а о всемирно известных авторах, наших земляках Валентине Распутине, Александре Вампилове и иже с ними, кого она пестовала на лучших традициях русской классической литературы в Иркутском госуниверситете, которому служила верой и правдой без малого столетия.

Я, уже будучи студентом первого курса этого вуза, познакомился с Надеждой Степановной... заочно, а именно: в вагоне пригородного поезда, мчавшего будущих филологов с традиционных осенних сельхозработ в Аларском районе. Кстати, сей исторический момент я уже описывал в очерке о Валентине Распутине, с ним, тогдашним первокурсником, впервые довелось свидеться именно в данной вагонной обстановке, где у меня уже завязалось знакомство с его одноклассниками. Одна из них была Наташа Кузина, имя второй не помню. Они наперебой принялись рассказывать об учёбе в университете, о наставниках. Та, вторая, заявила, что уже знает, у кого «будет брать диплом»: руководителем её работы будет Тендитник.

О будущих преподавателях мы, новички, уже были наслышаны, чаще упоминалась Анна Петровна Селявская, которая, по рассказам, является кумиром первокурсников. На мой дотошный вопрос, почему именно первокурсников, я вразумительного ответа ни от кого не получил. Значит, самому предстояло через энное количество годов уразуметь, почему хвалу воздают одному, а диплом берут у другого. Селявская действительно умела очаровывать студентов, особенно, конечно, новичков, своей манерой ведения занятий. На лекциях материал она преподносила в обрамлении букета эмоций, «без бумажки», тексты стихов и прозы декламировала только наизусть, а главное: умела создать высокий эмоциональный настрой, вовлекая аудиторию в эвристическую дискуссию. Я подобное действие вообще-то принимал как должное. Дело в том, что в старших классах нашей поселковой десятилетки литературу преподавал молодой специалист, подлинный мастер слова Александр Михайлович Банкетов. Не отягчаясь заменой вузовской методики преподавания на школьную, он вдохновенно «сеял разумное, доброе, вечное», не уступая в мастерстве доцентам и профессорам, а кое-кого, как я убедился, и превосходя.

Вот на этом-то фоне воспринял вчерашний школьник первое появление доцента, кандидата филологических наук Тендитник перед аудиторией первокурсников,

когда она твёрдой поступью проследовала к кафедре. Мне она поначалу показалась весьма пожилой особой, выглядела чуть согбенной, сутуловатой. Достигнув кафедры, буквально уткнулась в конспекты и начала читать довольно монотонным, негромким голосом, часто как-то подкашливая, с какими-то запинками. Ни о каком сравнении ни со школьным учителем, ни с Селявской не могло быть и речи. А сравнение напрашивалось ещё и потому, что на начальном этапе нашего обучения они вели схожие курсы: «Древнерусская литература» (Тендитник) и «Русский фольклор» (Селявская). В дальнейшем случалось, что им приходилось цитировать одни и те же тексты. Сначала мы слышали эффектную декламацию наизусть Селявской, а через некоторое время тот же отрывок — монотонной скороговоркой Тендитник. Наша аудитория реагировала тактичным мужским покашливанием «в стол» и хитроватыми переглядками девчонок.

Не знаю, было ли очное соперничество двух учёных жён, но в среде студентов оно бытовало повсюду. Наглядным примером может служить всплывшая в моей памяти картина более чем шестидесятилетней давности.

В нашей общежитской комнате спонтанно вспыхнула дискуссия именно на данную тему. Больше всех горячился будущий журналист и писатель, а тогда просто Слава Китайский. Я уж не помню его аргументы во славу Тендитник, но слово сейчас слышу, как он обличает Селявскую её же достоинствами:

— Она такая правильная! У неё всё в голове по полочкам разложено!

Шумный, довольно хаотичный в жизни, Станислав здесь весь как на ладони. Он, в общем-то, верно подметил, что Анна Петровна не чурается внешних эффектов, в отличие от Надежды Степановны, которая будущему прозаику импонирует гораздо больше.

Как сказал Л. Толстой, сколько голов — столько умов! Замечу, кстати или нет, моей натуре ближе метода Селявской, чему я следовал практически всю сознательную жизнь. Преподаватель, в том числе школьный учитель, лектор, журналист и прочие представители публичных профессий не должны чураться эффектных приёмов привлечения внимания слушателей, читателей. Не зря сказано: хороший педагог — он же артист! Ну, а что касается Н.С. Тендитник, то ей не была свойственна никакая театральность, хоть и руководила она кружком театральных рецензентов.

Чем же брала Надежда Степановна? Да отчасти, наверно, вот этой безыскусственностью, простотой, за которой просматривалась глубина знаний, фундаментальность, острота суждений. Перед аудиторией она выглядела, на мой первый взгляд, хоть несколько мешковатой, но очень открытой, душевной, готовой откровенно поделиться наболевшим. Умела обнажать душу. Такая душевная обнажённость способствовала установлению внутреннего контакта со слушателями.

Как-то в один из осенних дней 1957 года приходит она на лекцию явно не в себе. Не таясь, начинает делиться с нами:

— Вчера принимали экзамен по литературе у заочников. Вы же видите, как я расстроена. В их ответах сплошная социология. А ведь это литература, искусство слова!

И будущие филологи не просто соглашались, а буквально проникаются профессиональной солидарностью. Сопереживание — вот одна из основных причин симпатии к преподавателю, возникающей у студентов по мере их взросления. А я с той поры и по сей день не просто сопереживаю наставнику, но и испытываю такие же душевные муки, когда даже маститые критики, не говоря уж о «шко-

лярах», анализ художественного произведения (особенно прозаического) сводят исключительно к идейной направленности, а то и к элементарному пересказу содержания.

На какое-то время древнерусская литература уступает место современным проблемам, и не только литературным... У дотошных университетских первокурсников живой интерес ко всему, что связано с жизнью их альма-матер. И вот уже все вовлечены в беседу, весьма актуальную для молодых. Острота вопросов не смущает лектора, на время отступившего от объявленной темы.

— А очники тоже вас огорчают своими ответами?

— Правду молвить, случается и такое. В основном, конечно, уровень знаний наших студентов довольно высокий. Но, к сожалению, у меня как у преподавателя, знаете, нет полного удовлетворения. Недавно, например, один бывший очник не просто огорчил преподавательский состав, а вызвал общее негодование, когда стал таким нигилистом отрицать всю русскую поэзию: Некрасов — никто, Тютчев — ничто и тому подобное.

— А кого же он считает поэтом?

— Похоже, себя одного... А ведь мы всем коллективом заботились о нём, когда у него возникли проблемы со здоровьем, и помогли вовремя... (Фамилию этого студента я не помню, скорее всего Надежда Степановна её и не называла — Б.Б.)

Конечно, кто-то из особо талантливых выпускников нашего факультета вошёл в число известных литераторов: скажем, будущий руководитель областной писательской организации Марк Сергеев или окончивший университет и сразу же ставший популярным поэтом Анатолий Преловский, но в основном ИГУ дал путёвку в жизнь сотням педагогов, журналистов, получивших замечательную профессию — филолог. Да вот грустно становится, когда в нынешнюю пору приходится слышать от некоторых старшекурсников, что у них нет стремления хорошо учиться, мол, главное: сдать на стипендию. Причины такого отношения, мне кажется, идут из глубины...

— Надежда Степановна, вы ведь тоже учились здесь?

— Да, моё студенчество началось в 1941 году. Знаете, какие это годы! Несмотря на все трудности военного времени, у нас было огромное желание учиться как можно лучше, и не ради стипендии. Этот интерес подогревали в нас преподаватели, среди которых были очень яркие личности. Дело в том, что тогда в Иркутске находились в эвакуации учёные из вузов Москвы и Ленинграда, и нам посчастливилось с ними общаться. Особенно запомнился Марк Константинович Азадовский, да-да, тот самый автор учебных пособий по фольклористике. И к тому же наш земляк-иркутянин.

Представляете, каково было слушать лекции, которые читал сам автор учебника! А как заразительны были его рассказы о фольклорных экспедициях по Сибири! Наш факультет до сих поддерживает эту традицию, надеюсь, кто-то из вас в летние каникулы отправится в интересное путешествие по нашей области. (Действительно, уже летом 1958 года группа моих однокурсников приняла участие в такой экспедиции, которую возглавляла А.П. Селявская).

А после войны по возвращении в северную столицу он был уволен из Ленинградского университета и Пушкинского Дома по обвинению в космополитизме — жертва очередной политической чистки в СССР.

Также репрессиям «по политическим мотивам» был подвергнут возглавивший в 1944 году кафедру литературы ИГУ молодой литературовед А.Ф. Абрамович.

Алексей Фёдорович лично встречался с Максимом Горьким, слушал выступления «живого Маяковского», был делегатом Первого съезда Союза писателей СССР и членом Союза писателей СССР со времени его основания. После вменения в 1937 году политической статьи этому интеллигенту нашлось место работы лишь сторожем на кладбище. И в Иркутске гонения не прекращались. По подозрению опять же в космополитизме он был лишён права защиты докторской диссертации...

— Подобные события продолжают терзать факультет и в настоящее время, — помолчав, продолжила Надежда Степановна. — В прошлом учебном году была замечена какая-то подозрительная (читай: антисоветская — Б.Б.) студенческая организация. Её участник Леонид Бородин был исключён из комсомола и университета. В деканате происходит очередная пертурбация, которая уже заканчивается сменой декана... Надеюсь, у вас будет по-другому. Однако пора вернуться к литературным памятникам древней Руси.

— ...Надеюсь, вы уже успели ознакомиться со старинными манускриптами? — это уже вопрос, заданный на семинаре, когда учење своим ходом продвигается к окончанию семестра. Получив молчание в знак согласия, наша гуру задаёт довольно замысловатый вопрос, свидетельствующий о том, что и она умеет создавать проблемную ситуацию, делая это в своей «фирменной» неспешной манере:

— Давайте вспомним, кем и о ком сказано: «Не мучими никим же, но сами ся мучать»...

Оказывается, и Тендитник может декламировать по памяти. Не получив ответа, она делает подсказку, распространив цитату:

— «...и облекутся квасом усияным, и возьмут на ся прутьё младое, и бьют ся сами, и до того ся добьют, едва слезут се живи, и облекутся водою студёною, и тако оживуть».

— Теперь вспомнили? Конечно, обычай русских париться в бане. А где описано? Правильно: в «Повести временных лет». Идём дальше! Да поактивнее! Вот как Гусенков! Не надо отмалчиваться, ведь готовимся сдавать зачёт!

Зачёт я и мой однокурсник Володя Гусенков пошли сдавать досрочно, с другой группой, не помню, очников или заочников. Эта команда своими познаниями явно не потрясла экзаменатора, вернее потрясла в прямом смысле этого слова. По причине дефицита учебных классов проверка знаний проводилась в помещении деканата, где на тот момент находился замдекана, в будущем декан нашего факультета Владимир Трофимович Шкляров. Во время моего появления он уже собрался уходить и, видимо, выразил соболезнование коллеге по поводу её головной боли от явного душевного расстройства. Как сейчас, перед глазами у меня эта сцена: сочувствующий Шкляров и потирающая виски Тендитник, которая страдальчески молвит:

— Вы же слышали, как они отвечали!..

Если бы каждый преподаватель так реагировал на ответы подопечных, то, наверное, учебное заведение превратилось бы в лазарет, по крайней мере на период сессии. Надежда Степановна была именно такой. На её лице зеркально отражались эмоции, коими она заряжалась от экзаменуемых. К счастью, мне и будущему поэту-писателю удалось обеспечить просветление лица учителя основательным проникновением в литературные памятники старины глубокой, что она не замедлила в своей негромкой, но эмоциональной манере выразить и словами, и доброй улыбкой.

Гусенкову, ярко засветившемуся на семинарах, досталась заслуженная, даже восторженная похвала:

— Так глубоко осмыслить образ протопопа Аввакума до вас ни у кого из студентов не получалось. Именно вы отметили не только упорство героя «Жития...», но и его самолюбие, даже честолюбие. А какое интересное замечание насчёт оперирования софизмами!

Мне также досталась немалая похвала, но поскольку я на семинарах не активничал и до судного часа оставался «тёмной лошадкой», своё отношение Надежда Степановна выразила соответственно, с присущей откровенностью. Она на мне задержала взгляд, в котором сквозило нескрываемое удивление, а в голосе послышалась даже укоризна: «Вот ты какой! А на семинарах сидел отмалчивался!»

Что верно — то верно. Без нужды, коль не просят, вырисовываться — не мой стиль. Посему для некоторых порой кажусь тем самым чёртиком из табакерки, который нежданно-негаданно выпрыгнул, да ещё взялся учить учёных. Вот и нынешнее возвращение в журналистику и литературный мир свершилось исключительно по настоятельной просьбе то местного литобъединения, то редакции журнала, а то и просто из чувства долга перед ушедшими собратями по филфаку, в числе которых и предмет сегодняшних воспоминаний.

Восторженное удивление Надежды Степановны по поводу открытия моей личности ещё в большей степени выразилось во время очередной сессии. Случай, думаю, уникальный. Виданное ли дело, чтобы экзаменатор, ставя в зачётке высший балл, вдруг начал осыпать комплиментами юного студента! Я успеваю только слегка засмущаться, слыша из её уст, какой я «умнейший, скромнейший» и т. д. в том же духе. Боковым зрением замечаю, как девчонки, занятые подготовкой к ответу, дружно отключились от писанины и расцвелись улыбками. А гуру в образе кандидата филологических наук не торопилась завершать сцену. Остановив мгновение, с той же зачёткой в руке, она как будто фокусировала на мне свой взгляд. Более шести десятилетий миновало с той поры, но и через столетие вряд ли забудешь такое! Добрый лучистый взгляд светлых очей. Доброе лицо, обрамленное орнаментом пышных волос. Да и морщинок почти нет! Ну какая же она бабушка! Очень даже молодая!..

Разумеется, первое, прошлогоднее впечатление улетучилось. Хотя, конечно, остались и походка торопливая, и некоторая сутулость, и неэффективная манера словоизвлечения, но это будто ушло на второй план. С годами она, ясное дело, не молодеда, но уж точно и не старилась, оставаясь будто в застывшем возрасте и уж, конечно, не такой, какой привиделась мне, семнадцатилетнему, подслеповатому, в момент первой встречи. Ей тогда было всего тридцать пять.

...Долго ли, коротко... Стал я союзником (!) Надежды Степановны. О чём так и написал в работе «Человек о человечестве», посвящённой анализу «Утиной охоты» А. Вампилова:

«В своём утверждении я нашёл пока что единственного союзника, но какого! Надежда Степановна Тендитник, профессор, а тогда ещё доцент, пестовавшая на русской литературе нас, бывших студентов госуниверситета, в том числе, конечно, и Александра Вампилова, смотрит на вещи, как и ваш покорный слуга». (Речь шла о характеристиках некоторых персонажей «Утиной охоты».)

Далее я сталкиваю восприятие образа Надеждой Степановной с мнением некоторых современных толкователей, в том числе одного из профессоров:

«Нынешний доктор филологии не вступает в спор со старым профессором по поводу разногласий в оценке персонажа, а ведь в данном случае мнение ветерана филфака очень даже заслуживает внимания, меня же просто покоряет своей

глубиной, ибо Надежда Степановна прочувствовала то, о чём автор напрямую не говорит».

Это писалось, когда уже ни драматурга, ни критика не было в живых, но в нашем сознании, в памяти потомков жива чуткая литературная душа Надежды Степановны, что мы отмечали в период её преподавательской деятельности и что не покинуло её на стезе литературного аналитика, популяризатора молодой сибирской (иркутской) прозы, рождаемой пером и умом молодых талантов, в большинстве выпускников всё той же альма-матер. На данную стезю она вышла вслед за именитыми коллегами А.Ф. Абрамовичем и В.П. Трушкиным, совмещая сей род деятельности с преподаванием в университете до двухтысячного года. Об этом периоде расскажут и уже рассказали другие. Я только добавлю несколько штрихов к нарисованному портрету.

На новом поприще вырастают новые крылья. К упомянутым качествам присовокупляются критический подход, в необходимых случаях несвойственная ранее резкость, острота суждений, а также желание принять участие в дальнейшей творческой судьбе бывших питомцев. Владимир Гусенков, однокурсник-однотруппник, завершил обучение в университете выпуском сборника стихов «Корабли выходят на орбиты», а через два с половиной года дебютировал как прозаик с довольно удачной повестью, навеянной студенческой романтикой, «Зайдите к декану». Затем ещё одна повесть — и масса творческих задумок. Вдруг стопор! Чем-то не угодил власть имущим — запрет на печатание и в Иркутске, и в Новосибирске. Так что знают о Гусенкове давних времен в основном из заметок Тендитник. Больше повезло Станиславу Китайскому, ещё в студенчестве её боготворившему. Едва ли ей это было ведомо, но ответную симпатию как прозаик он получил сполна. А к главному труду Станислава Борисовича «Поле сражения» она — литературовед, ещё и публицист, вдруг обратилась вновь лет через двадцать пять после рождения книги, делая попытку увязать материал этой исторической эпопеи с современностью.

Наибольшее внимание, естественно, уделено нашим кумирам: Вампилову и Распутину, творчеству которых посвящено несколько книг, работая над которыми она, по собственному признанию, училась у бывших учеников прежде всего стилистическому разнообразию. Теперь её работы отличает не только смелость мысли, но и языковая смелость, разнообразится авторский слог, наблюдается отход от «чисто-академизма».

В последние годы, в том числе на перевале столетий, встречал я гуру студенческих времён только изредка — на страницах СМИ. Запомнилась одна статья. Не столько содержанием (какая-то полемика с кем-то), сколько стилем. Видимо, будучи насквозь пропитанной литературной борьбой девятнадцатого века, наша бывшая наставница вела полемику с оппонентами на языке давних спорщиков в духе и западников, и славянофилов. В данном случае старая школа оказалась сильнее новой.

О последней статье, которая попала мне на глаза, лучше бы не вспоминать. Надежда Степановна жаловалась читателям на дразги, возникшие на кафедре литературы, вследствие чего она была отлучена от преподавания в университете. Она высказывала своё мнение, свою обиду. Скорее всего, чтоб облегчить душу...